

Глава 13. Дорога (Часть 2)

Спустя день пути дорожное напряжение наконец спало. Беседа потекла непринуждённо, и атмосфера в их скромной компании сделалась на удивление тёплой.

У Цуй Уди характер оказался смурной и колючий — парень явно напускал на себя крутизны, — однако Бу Тянь заметил, что тот едва ли не благоговеет перед Цю Сяонанем. Впрочем, грех было винить его в этом: он сам ловил себя на том же чувстве. Они были знакомы без году неделя, но неуловимая харизма верзилы Цю действовала безотказно. Он внушал искреннее уважение, заставляя собеседников невольно понижать голос и тщательно взвешивать слова, дабы не показаться дерзкими.

В их маленьком отряде Цю Сяонань безраздельно властвовал на правах лидера. И хотя никто не объявлял его вожаком во всеуслышание, каждое его слово ловили с полувздоха и принимали беспрекословно.

Остановиться решили в придорожной гостинице. Расположившись в номере, Бу Тянь включил телефон и посмотрел на карту: навигатор определил их местоположение как Шилин-Хот. На вывесках лавок, что теснились вдоль улицы, под китайскими иероглифами виднелась тонкая вязь монгольского письма.

— Плетёмся мы, конечно, знатно, — подал голос Дахуэй. — Из города В выезжали по жутким колдобинам, пришлось сделать приличный крюк.

Вечерний сквозняк заставил Бу Тяня поёжиться. Он обхватил себя руками за плечи.

— Пойдёмте уже внутрь. Завтра-то хоть доберёмся?

— Вообще-то могли бы и сегодня поспеть, — отозвался Дахуэй. — Да только побоялись, что ты не выдержишь марафона. Да и сами притомились. Так что сегодня лучше выспимся как следует.

«Так я и думал», — мысленно усмехнулся Бу Тянь. Дахуэй всё-таки был чертовски хитёр: не упустил случая подчеркнуть проявленную заботу, чтобы попутчик оценил одолжение.

Изобразив крайнюю неловкость, Бу Тянь пробормотал:

— Зря вы так, со мной бы ничего не случилось.

— Да ладно тебе, тебя же укачивает, — добродушно усмехнулся Дахуэй. — Мы-то в дороге обходимся без мандаринов и сушёного боярышника.

— Ну, есть немного... — признался Бу Тянь.

— Это всё брат Нань рассудил. Он о каждом из нас печётся. Я бы вот и не заметил, что тебе худо, — добавил Дахуэй.

«Сам ты тоже своего не упustiшь», — подумал Бу Тянь, но вслух вежливо возразил:

— Пустяки, ничего страшного.

В этот момент из холла вернулся Цю Сяонань, позвякивая ключами. Окинув Бу Тяня быстрым взглядом, он нахмурился:

— Легко же ты оделся. Чего на улице мёрзнешь? Шёл бы сразу наверх.

— Да мы уже идём, — поспешил успокоить его Бу Тянь. — Минута погоды не сделает.

Следом за верзилой ленивой походкой шёл Цуй Уди. Покручивая на пальце ключ, он буркнул со своей обычной развязанностью:

— Короче, мы с братом Нанем берём двухместный эконо. Вам двоим — по отдельному номеру с широкой кроватью.

— Зачем тратиться? — запротестовал Бу Тянь. — Давайте мы тоже снимем один двухместный на двоих.

— Номера уже оплачены, хорош кочевряжиться, — отмахнулся Цуй Уди, сплюнув в сторону. — В этой дыре вообще свободных комнат почти не осталось, так что без вариантов.

— У Дахуэя сон чуткий, — мягко, но веско вмешался Цю Сяонань. — Пусть спит один. Мы с Уди как-нибудь перебьёмся в двухместном. А ты, Сяо Тянь, сегодня натерпелся. Тебе нужно выспаться без помех.

Спорить с ним было бесполезно, и Бу Тянь безропотно подчинился.

Полужинать спустились в крошечную забегаловку на первом этаже. За столом Цю Сяонань протянул Бу Тяню плотную куртку:

— Накинь. Говорю же, замёрзнешь.

— Не думал я, что здесь летом такая холодрыга, — оправдывался Бу Тянь, просовывая руки в рукава. — Взял с собой только пару футболок. Хотел прихватить куртку, да побоялся, что баул

раздуется и будет мешать. — На самом деле он просто не хотел выглядеть в глазах суровых мужчин изнеженным неженкой, собирающимся в поход со стопкой лишних вещей.

Проводив взглядом то, как Бу Тянь запахивает полы куртки, Сяонань кивнул:

— Оставь её себе насовсем. Лето в этих краях запоздалое, по ночам до костей пробирает.

После ужина Бу Тянь поднялся к себе, зябко кутаясь в просторную камуфляжную куртку Цю Сяонаня, пахнущую порохом и полыньёю.

Лёжа на безвкусном гостиничном покрывале, он ворочался от глухого раздражения. Вся эта навязчивая забота тяготила его, подчёркивая его обособленность. Он чувствовал себя обузой, чужаком, которого взяли на буксир из жалости. Впрочем, отрицать очевидное глупо — так оно и было.

Мысли путались, тело требовало отдыха, и Бу Тянь незаметно провалился в глубокий сон без сновидений... вернее, так ему показалось сначала. Но стоило ему открыть глаза во сне, как его вновь поглотил непроглядный мрак.

Давно его не навещали эти видения. Но сегодня безмолвная тьма вернулась, душная и осязаемая.

Он очутился в каком-то тесном замкнутом помещении. Напротив сидел человек — судя по контурам плеч и голосу, мужчина.

— Они демонтировали устройство на голубой воде, — хмуро процедил незнакомец.

Бу Тянь наблюдал за происходящим откуда-то сверху, словно паря под потолком. В этом странном сне его физическое воплощение было абсолютно слепым, но парадоксальным образом «видело» всё вокруг. Семь чувств раскрылись полностью: он воспринимал мир не глазами, а какими-то иными, тонкими струнами души, улавливая колебания энергии и скрытые эмоции присутствующих.

В ранних снах Бу Тянь мог управлять своими действиями, но по мере того как видения становились глубже, его воля угасала. Иногда его дух словно сливался с телом, ведомый чужой невидимой рукой. Но сейчас он был всего лишь бесплотным призраком, сторонним наблюдателем, запертым в режиме созерцания.

И тут он услышал собственный голос. «Бу Тянь» из его видения негромко и издевательски рассмеялся:

— Что ж, отличная новость.

— Думаешь, у нас рука не поднимется тебя придушить? — оскалился собеседник, подаваясь вперёд. — Предупреждаю: если твои дружки сделают ещё хоть один шаг, мы церемониться не станем. Кормить тебя за красивые глаза никто не собирается!

— И зачем ты мне это выговариваешь? — парировал другой «Бу Тянь» с ленивым безразличием. — Я у вас в плену, безвольная кукла. Как я могу на них повлиять? Может, отпустишь меня, а я уж пойду и по-хорошему их пожурю?

Этот развязный, издевательский тон ошеломил созерцающего Бу Тяня. Сам он никогда бы не позволил себе подобной дерзости. Двойник же говорил легко, небрежно, с вызовом обречённого, которому нечего терять. «Неужели я превращусь в это?» — с содроганием подумал юноша.

Мужчина напротив сжал кулаки так, что побелели костяшки. Он разъярился. Даже сквозь завесу чужой слепоты Бу Тянь чувствовал, как от собеседника волнами исходит удушливая ярость.

— О, неужто бить будешь? — шутливо удивился пленный «Бу Тянь». — Давай, валяй! Я теперь беззащитен: слепой калека без сил и способностей. Самое время прикончить меня одним махом. Чего тянешь-то?

Незнакомец заскрипел зубами, но сдержался — очевидно, его связывал какой-то строгий приказ. Он лишь сверлил слепца ядовитым взглядом, способным, казалось, прожечь насквозь.

— Тоска зелёная, — разочарованно отмахнулся слепец. — И убить боитесь, и на волю не выпускаете. Что вы задумали? Решили завести комнатную собачонку?

— Ты ещё взвоешь, — глухо пообещал мужчина.

«Бу Тянь» мгновенно помрачнел. Он уставился прямо на противника незрячими, пустыми глазами с леденящей точностью, словно видел каждую деталь его лица. Тяжёлая, властная аура хлынула наружу, заполняя камеру.

— Ты с кем разговариваешь, шваль? — тихо, с леденящим душу нажимом спросил он.

Мужчина попятился, онемев от внезапного страха. Его спесь мигот испарилась, уступив место животному ужасу перед этим искалеченным монстром.

— Расплодилось гнуса в последнее время... — прошипел «Бу Тянь». — Стоит проявить каплю снисхождения, как всякая шваль мнит себя важной персоной. Запомни: даже слепой, я остаюсь Бу Тянем. Пойди спроси у своего Ван Шэншаня, рискнёт ли он пальцем меня тронуть? А ты кто такой? Грязь из-под ногтей.

В ярости слепец резко взмахнул рукой, и хлёткая, звонкая пощёчина эхом разнеслась по комнате.

Мужчина застыл, багровея от унижения и бессильной злобы, не смея дать сдачи.

Но «Бу Тяню» этого показалось мало. Перехватив наглеца за подбородок, он силой заставил его задрать голову:

— Думаешь, я не раскусил ваши дешёвые трюки? Передай своему хозяину: моё терпение лопнуло. Хватит прятаться по углам и строить из себя кукловодов. Избранный здесь я, и только я. Либо убейте меня сейчас, пока я слаб, либо готовьтесь к худшему. Вы перешли черту.

Слепец хищно и зловеще улыбнулся, от чего у реального Бу Тяня похолодело внутри.

Когда он отпустил лицо незнакомца, у того затряслись поджилки, и он опрометью бросился вон из камеры.

Слепец вальяжно откинулся на стуле и не торопясь налил себе воды. Жажды он не испытывал, поэтому лишь делал крошечные, размеренные глотки.

— Знаешь... — негромко произнёс он в пустоту. — Я лишился зрения, но мои семь чувств раскрылись полностью. Стоит мне пожелать — и никто в этом мире не скроется от моего взора.

Наблюдающий Бу Тянь затаил дыхание. На миг ему показалось, что двойник обращается непосредственно к нему. Как же дико: пугаться слов собственного отражения!

Но наваждение рассеялось, когда из динамика, вмонтированного в угол стены, раздался сухой, скрипучий голос:

— И что, мне нужно поздороваться с тобой?

Это был Люис. Бу Тянь сразу узнал эти безумные интонации.

— Всё так же трусливо вещаешь через жестянку? — хмыкнул слепец.

— В твоё крыло не пробраться, — бесстрастно отозвался Люис. — Ван Шэншань установил такую систему безопасности, что комар не пролетит.

Двойник лишь пренебрежительно дёрнул плечом.

— Что думаешь делать дальше? — продолжал допытываться голос из динамика. — Бежать? Или

смиренно ждать, пока явится твой спаситель Цю Сяонань?

— А сам как думаешь?

— Цю Сяонань давно вычеркнул тебя из своей жизни, — ядовито усмехнулся Люис. — На твоём месте я бы к нему не возвращался.

— Но ты не на моём месте.

— И слава богу. Я всё-таки умнее тебя.

— О да, — с неприкрытым ехидством процедил слепец. — Настолько умный, что умом же и тронулся.

На том конце провода воцарилось тяжёлое молчание.

— Думай что хочешь, — зевнул слепец. — Пялься в свои мониторы сколько влезет, а я спать.

С этими словами он демонстративно завалился на жёсткую койку.

Спустя какое-то время липкое ощущение чужого взгляда исчезло, но почти сразу вернулось — должно быть, на пост заступил сменщик.

Внезапно «Бу Тянь» распахнул невидящие глаза и резко сел. Сделав вид, будто потягивается, он резко вытянул руки перед собой и с силой рванул невидимые нити пространства на себя. Воздух с сухим треском разорвался, образовав угольно-чёрную воронку пространственного поглощения, которая в мгновение ока втянула его тело целиком.

Впрочем, на экранах следящих устройств всё выглядело обыденно: Бу Тянь просто потянулся, неторопливо пошаркал в уборную, вернулся и снова нырнул под одеяло. Все его движения были настолько выверенными и естественными, что заподозрить в нём слепца было невозможно.

Сам же Бу Тянь оцепенел от потрясения: поглощённый чёрной дырой, его двойник вывалился посреди бескрайней, продуваемой ветрами степи.

Сон тянулся мучительно долго, сменяя дни ночами. Лишённый возможности управлять чужой плотью, Бу Тянь остро ощущал, как иссякли силы этого тела после столь мощного пространственного поглощения. Чувства притупились, движения стали неуклюжими. Двойник постоянно спотыкался о скрытые в траве камни, а однажды и вовсе кубарем скатился в сухое русло реки, больно ободрав бока.

Лишь на исходе вторых суток «Бу Тянь» добрёл до одинокого гостевого дома.

— Здравствуйте, — обратился он к хозяйке постоялого двора. — Я хотел бы забрать свои вещи.

Женщина говорила по-китайски с сильным акцентом, но встретила его очень радушно. Вытащив из-за стойки старый рюкзак, она улыбнулась:

— Да-да, я ещё вчера велела Санлань его приготовить.

— Спасибо вам большое, — вежливо поклонился слепец. — Тогда я пойду.

— Куда же ты в такую даль пешком? — запричитала хозяйка. — Пусть Санлань тебя подбросит. Мотоцикл её отца как раз во дворе стоит.

«Бу Тянь» мягко отказался. На ощупь расстегнув молнию рюкзака, он достал складную тактильную трость, затем выудил из потайного кармана кошелек и положил на деревянный стол две крупные купюры:

— Это за постой. Ещё раз спасибо.

Хозяйка замахала руками и с искренним возмущением запихнула деньги ему обратно в карман:

— Не надо! Убери сейчас же!

Слепец тепло улыбнулся и, коротко попрощавшись, шагнул за порог.

В рюкзаке обнаружился нехитрый скарб: пара бутылок воды, галеты, плитка шоколада и ветровка.

Этот серый, гнетущий сон давил на грудь Бу Тяня могильной плитой. Он буквально кожей чувствовал, как его экранное «я», ведомое смутным, глубинным зовом, упорно бредёт сквозь туман и бурелом. Впереди расстилалась бескрайняя, враждебная неизвестность, и каждый шаг давался с невероятным трудом.

И вдруг видение оборвалось.

Резкий, дребезжащий звонок будильника вырвал его из забытья.

Бу Тянь судорожно вздохнул, уставившись в потолок. «Наконец-то проснулся», — подумал он, чувствуя, как по спине струится холодный пот. В этот миг в его душу впервые закралось липкое сомнение. Правильный ли путь он выбрал?

Мысли лихорадочно крутились в голове, сменяя друг друга, но сознание оставалось странно пустым. Он так и лежал неподвижно, невидящим взором сверля побелку, потеряв счёт времени.

<http://bllate.org/book/19555/2038770>